

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-1.48-62>
EDN: HZSJOR

УДК 94(47)

О ТРАДИЦИИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВИСЛЫХ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ПЕЧАТЕЙ В КАНЦЕЛЯРИЯХ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ И ПОСТОРДЫНСКИХ ГОСУДАРСТВ

А.В. Беляков

*Институт российской истории РАН
Москва, Российская Федерация
belafeb@yandex.ru*

Резюме. Цель исследования: после того как М.А. Усманов заявил о том, что в ордынских канцеляриях не использовали какие-либо вислые печати, это стало непреложным фактом. Однако Д. Колодзейчик доказал существование на шертных крымских грамотах XVII в. золотых вислых печатей, которые официально назывались алтунбайса. Он предположил, что эта новация была привнесена в канцелярию Гиреев. Последние исследования позволяют уверенно говорить о широком бытовании золотых и серебряных вызолоченных печатей на территории Сибирского, Крымского и Казанского ханств, в Ногайской Орде, на Кавказе в XVI в. Помимо этого они фиксируются у народов Среднего Поволжья и Зауралья. Такими печатями заверяли только два типа документов – шертные и жалованные грамоты. Следы этого явления ведут в поздние золотоордынские канцелярии. В данной работе исследуются известия об использовании металлических вислых печатей в канцеляриях Золотой Орды и постордынских государств.

Материалы исследования: сообщения описей архивов Посольского приказа и Коллегии иностранных дел, русско-крымских и русско-ногайских посольских книг, а также документов внутреннего делопроизводства внешнеполитического ведомства.

Результаты и научная новизна исследования: доказывается существование золотых и серебряных вислых печатей, которыми скрепляли отдельные документы в постордынских государствах XVI в. При этом косвенные данные и логика трансформации канцелярских практик позволяет предполагать их наличие как минимум в XV в. Золотые печати, по-видимому, стали логичным этапом постепенной трансформации ханских ярлыков и пайцз. В какой-то момент эти два предмета объединились в один. Подобное могло произойти после того, как практика пожалования пайцз прекращается. Сделанные наблюдения позволяют переосмыслить устоявшиеся в научной среде представления об ордынских канцелярских традициях.

Ключевые слова: Золотая Орда, Русское государство XV–XVII вв., Крымское ханство, Ногайская Орда, золотая печать, жалованная грамота, шерт, пайцза

Для цитирования: Беляков А.В. О традиции использования вислых металлических печатей в канцеляриях Золотой Орды и постордынских государств // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 1. С. 48–62. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-1.48-62> EDN: HZSJOR

© Беляков А.В., 2024



Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

ON THE TRADITION OF USING HANGING METAL SEALS IN THE OFFICES OF THE GOLDEN HORDE AND POST-HORDE STATES

A.V. Belyakov

*Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
belafeb@yandex.ru*

Abstract. Research objectives: Following M.A. Usmanov stated claim that hanging seals were not at all used in the Horde offices, this became an indisputable fact. However, D. Kolodzeichik proved the existence of golden hanging seals, which were officially called *altunbaisa*, on Crimean charters of the 17th century. He suggested that this innovation was introduced into the office of the Gireys. Recent studies allow us to speak confidently about the widespread existence of gold and silver gilded seals in the territory of the Siberian, Crimean and Kazan Khanates, in the Nogai Horde, and in the Caucasus in the 16th century. In addition, they are recorded among the peoples of the Middle Volga and Trans-Urals. Only two types of documents were certified with such seals – wool and letters of commendation. Traces of the phenomenon lead to the late Golden Horde's offices. This paper examines information about the use of metal hanging seals in the offices of the Golden Horde and post-Horde states.

Research materials: Messages from the inventories of the archives of the Posolsky Prikaz and the Collegium of Foreign Affairs, Russian-Crimean and Russian-Nogai embassy books, as well as documents of the internal office work of the Foreign Ministry.

Results and scientific novelty of the study: The existence of gold and silver hanging seals, which were used to fasten individual documents in the post-Horde states of the 16th century, is demonstrated. At the same time, indirect data and the logic of the transformation of clerical practices allow us to assume their presence at least as early as the 15th century. Golden seals, apparently, became a logical step in the gradual transformation of the khan's labels and *paiz*. At some point, these two items merged into one. This could have happened after the practice of awarding *paiz* ceased. The observations made here allow us to rethink the ideas about the Horde's stationery traditions that have been long established in the scientific community.

Keywords: Golden Horde, Russian state of the 15th–17th centuries, Crimean Khanate, Nogai Horde, golden seal, letter of commendation, charter, *paiza*

For citation: Belyakov A.V. On the tradition of using hanging metal seals in the offices of the Golden Horde and Post-Horde States. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2024, vol. 12, no. 1, pp. 48–62. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-1.48-62> (In Russian)

Одной из главных проблем при изучении канцелярских практик, существовавших в Золотой Орде и постордынских государствах, является крайне малое число дошедших до нашего времени источников, в первую очередь подлинных ханских грамот [30; 1]. Это значительно осложняет реконструкцию того, как происходило оформление тех или иных документов, выходивших из ордынских канцелярий. В данной работе мы затронем вопрос о вислых печатях на ханских грамотах. Эта проблема за последние годы обросла собственной историографией, однако, привлечение более широкого круга

источников позволяет в значительной мере скорректировать устоявшиеся в науке представления.

О вислых печатях в ордынских канцеляриях заговорили благодаря зафиксированной в XIX в. дополнительной малой свинцовой «печати», привешенной на одном шнуре чуть ниже московской серебряной вызолоченной печати на духовной грамоте Ивана Калиты 1336 г. (ныне утрачена). Ее ширина составляла приблизительно 1/2 от ширины великокняжеской печати [27, с. 35]. Отметим, что она ни разу не упоминается в описях XVI–XVII вв. Данная «печать» не имела надписей. На одной ее стороне помещалось изображение шестиугольной звезды, образуемой из двух переплетенных треугольников и четырех шариков посередине, а на другой находился орнамент в виде рогожки, составленный из изгибающегося закольцованного шнура, создающего пересекающиеся три вертикальные и три горизонтальные линии¹. А.В. Орешников считал, что вторую печать прикрепили на ханском дворе московского кремля [20, с. 120]. Именно как ордынскую печать рассматривал свинцовую привеску к великокняжеской грамоте и Л.В. Черепнин. Исследователь считал, что она была добавлена к документу в Орде, и тем самым повышала его значимость [31, с. 15–16].

М.А. Усманов однозначно и аргументировано отверг ордынское происхождение «печати». Более того он особо подчеркивал: «мы не знаем ни одного факта применения в Джучиевом Улусе вислых металлических или иных типов печатей, характерных, например, для Руси» [30, с. 178]. С этого времени данное утверждение прочно закрепилось в научной литературе [1, с. 159–160; 23, с. 86–100]. При этом обнаруженные и изданные Ф. Лашковым описания вислых печатей крымских ханов XVII в. оставались долгое время незамеченными специалистами, занимавшимися этими проблемами, в том числе и М.А. Усмановым [12, с. 76, 102, 110 и др.]².

А.Б. Мазуров выдвинул версию о том, что свинцовая печать принадлежит великокняжескому писцу, создавшему документ. Данное утверждение опирается на находку в Великом Новгороде двух рядом лежащих печатей – Святополка Изяславовича (1078–1088 гг.) и несколько меньшей по размерам с греческой надписью «Мефодий грамматик» на одной стороне и изображением святого на другой. Исследователь полностью отвергает идею о том, что великокняжеские завещания могли подтверждаться в Орде [13]³. Пред-

¹ Мотив рогожки был широко распространен на Руси. Ближайшим аналогом на русских печатях, но выполненным значительно грубее следует признать, отпечаток печати Степана Алексеява Хирина 1638 г. [10, Табл. XIII. № 141].

² Необходимо особо подчеркнуть, что публикуемые Ф. Лашковым шертные грамоты в ряде случаев являются не окончательным их вариантом, а только проектом, который мог неоднократно изменяться. Необходимо сверять их тексты с текстами, приводимыми в русско-крымских посольских книгах.

³ Л.Ф. Абзалов поддерживает идею Л.В. Черепнина о заверении великокняжеских духовных грамот в Орде. Отвергая вислые печати, он предполагает, что на грамоты «ставилась резолюция (например, «булай ун гурдук» (в таком виде мы одобрили)), которую можно видеть в духовной грамоте Василия II от 1435 г.». Однако в другом месте этот же автор грамоту называет жалованной [1, с. 114, 160]. Речь идет о жалованной грамоте великого князя Василия II Васильевича Михаилу Яковлевичу на села в Переяславском уезде [6; Российский государственный архив

положение о печати писца следует признать интересным, но смущает тот факт, что изображения на рассматриваемой пломбе расходятся с известными нам примерами того времени.

Д. Колодзейчик на основании знакомства с подлинными крымскими грамотами, их снимками, и публикацией Ф. Лашкова, доказал существование вислых печатей на некоторых видах крымских грамот XVII в. При этом исследователь посчитал, что данное явление было привнесено в канцелярию крымских ханов извне (из Персии или Сибирского ханства) и ранее не существовало здесь. Очень важно то, что в документах XVII в. эти печати в ряде случаев называются алтунбайса («золотая пайза», «печать с золотой пайзой») [11]. Ранее данный факт был подмечен еще А. Самойловичем [24].

А.В. Беляков обратил внимание на широкое бытование на постордынском пространстве в XVI в. особого типа документов – жалованных грамот за золотой печатью, а также указал на тот факт, что в посольских книгах XVI в. регулярно упоминаются золотые печати, привешиваемые к крымским шертным грамотам [3; 5, с. 35–43].

Однако привлечение описей архивов Посольского приказа [8; 17; 18; 19; 32] и Коллегии иностранных дел [29], русско-крымских [25]⁴ и русско-ногайских посольских книг [22]⁵ и отдельных документов внутреннего делопроизводства Посольского приказа⁶ значительно расширяют наши знания о бытовании вислых печатей в канцеляриях постордынских государств.

Вначале обратимся к истории жалованных грамот за золотой печатью. Первым их природу объяснил В.В. Трепавлов. Анализируя документы и народные предания, связанные с Сибирским ханством и башкирами, он отметил, что в этих регионах сложилась традиция, по которой обладание земельным владением рассматривалось, как легитимное только в форме пожалования от монарха. Исследователь считает данное явление одним из рудиментов прежних ордынских установлений, когда при смене монарха требовалось обновление (подтверждение) ярлыков выданных предшественниками [28, с. 182–185]. Это правило распространялось и на таких вполне самостоятельных государей как сибирские ханы. Изначально таким монархом был монгольский хан, ему на смену пришли ханы Золотой (Большой) Орды. В какой-то момент право верховного сюзеренитета на постордынском пространстве унаследовали казанские ханы. С завоеванием Казани московские государи с точки зрения народов, заселявших эти территории, унаследовали это право. Последующие исследования расширили географию распространения подобных грамот на всю территорию, некогда занимаемую Золотой Ордой, напрямую или же опосредованно они фиксируются у народов Среднего Поволжья, Кавказа, Сибири, у башкир, в Ногайской Орде и Югре. При этом их выдача из Москвы в некоторые регионы явно началась несколько раньше завоевания Казани. Первая зафиксированная грамота обским самоедам была послана еще в 1525 г. При этом по косвенным данным подобным образом оформленные документы (грамота, скрепленная серебряной вызолоченной печатью) посы-

древних актов (РГАДА). Ф. 159. Оп. 1. Д. 950]. Современные исследователи считают, что подобные надписи оставляли княжеские дьяки [15; 9].

⁴ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1.

⁵ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1.

⁶ РГАДА. Ф. 136. Оп. 1. Д. 26.

лались в этот регион на несколько десятилетий ранее. Возможно, ареал распространения жалованных грамот являлся своеобразным маркером распространения влияния Золотой Орды в период ее наибольшего могущества.

А далее предсказуемо начиналось взаимное непонимание двух сторон (получавшей и выдававшей грамоты) того, какие обязательства каждая из них брала на себя. Просителям был важен сам факт получения этого документа, за него они даже были готовы выплачивать относительно незначительную дань, но при этом продолжали считать себя вполне независимыми по отношению к московским государям. Москва в свою очередь сам факт прошения грамоты рассматривала, как вступление в подданство (полное холопство). Как следствие русские государи стали предъявлять претензии к своим новым холопам, которые в свою очередь считали их абсолютно необоснованными. Постепенно московская сторона научилась значительно гибче подходить к степени подданства, что выражалось, в том числе в формулировках этих документов. При этом жалованные грамоты за золотой печатью в глазах русского царя и его администраторов стали универсальным способом оформить свои взаимоотношения со многими народами Востока. Так их с разной степенью успешности навязывали ойратам и Алтын-хану. С последней трети XVI в. печати начали изготавливать из золота. Дольше всего регулярная выдача жалованных грамот за золотой печатью осуществлялась кабардинским князьям и грузинским царям [3].

Имеются косвенные свидетельства о том, что золотые вислые печати имели крайне высокий статус в глазах ногайских мирз. В русско-ногайских посольских книгах известен целый ряд упоминаний, которые можно интерпретировать именно так. В июле 1556 г. в Москве было получено послание бия Большой Ногайской Орды Исмаила б. Мусы к Ивану IV, заканчивающееся фразой: «Княжое слово, чтоб печать золоту прислал» [22, с. 208]⁷. Для нас важен тот факт, что Исмаил только недавно стал бием. Просьба повторяется и в другом послании, датированном июлем 1557 г.: «Да пропала у меня печать, и ты б прислал мне печать з золотом» [22, с. 251]⁸. В 1577 г. ногайский мирза Сеид-Ахмед просил русского царя: «Да чтоб еси мне на выимок велел грамоту дати з золотою печатью»⁹. В 1578 г. мирза Ураз-Мухаммед б. Дин-Мухаммед писал: «отец мой, княз (Дин-Мухаммед б. Исмаил – А.Б.), выпросил у тебя печат, и яз печалуюс, чтоб еси печат золоту пожаловал»¹⁰. Таким образом, ногайская традиция золотых печатей была явно односторонней и, по-видимому, являлась логичным продолжением практики получения жалованных грамот за золотой печатью. Собственно жалованные грамоты ногаям неизвестны, в русско-ногайских посольских книгах информация о них отсутствует. Изначально ногайские бии, похоже, получали подобные документы от астраханских (большеордынских) или же казанских ханов. С момента их завоевания Россией эта функция перешла к московскому царю. Остается открытым вопрос о том, к каким документам в данном случае привешивались печати – к жалованным грамотам или же к обычным царским посланиям. По-видимому, перед нами очередной пример постепенной деградации ногайской

⁷ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 4. Л. 362 об.

⁸ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 5. Л. 30 об.

⁹ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 8. Л. 66.

¹⁰ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 8. Л. 250.

государственности и статуса жалованных грамот. Жалованная грамота за золотой печатью стала эволюционировать в документ, скрепленный золотой печатью. При этом собственно текст грамоты не имел никакого значения. Данная ситуация сильно напоминает ту, что фиксируется в Югре в первой половине XVI в. [3] А попытки получения золотой печати другим лицом помимо бия следует рассматривать в ряду постоянных требований от все возрастающего числа мирз, чтобы к ним присылали царские грамоты не со служилыми татарами, а с детьми боярскими. Важен еще один момент. Упоминание грамот с золотой печатью заставляет по-иному взглянуть на непростые ногайско-казанские и ногайско-астраханские взаимоотношения. Возможно, многие эпизоды этих контактов следует рассматривать как попытку получения от хана очередной грамоты за золотой печатью, как в истории с захватами Астрахани кабардинцами [5, с. 35–43].

Другим интересным примером, когда использовали вислые печати, является способ заверения шерстных грамот крымских ханов (аналог докончальных грамот с европейскими христианскими государями), при этом они всегда изготовлялись исключительно золотыми. Печати известны как минимум с начала XVI в. В идеале крымская сторона должна была давать шерстные грамоты всякий раз при смене хана или великого князя (царя). Иногда за время правления одних и тех же государей стороны обменивались грамотами несколько раз. Московский правитель со своей стороны посылал в Крым крестоцеловальную грамоту, также скрепленную золотой вислой печатью. Однако на практике это осуществлялось далеко не всегда. В случае возникновения острых противоречий между государями или же в результате взаимных споров о тексте грамот процесс их подготовки мог затянуться на годы. Это было типичным явлением для XVI в. В XVII в. обмен шерстными / крестоцеловальными грамотами проходил регулярно. Об этом свидетельствуют данные посольских книг и описей Посольского приказа.

Первая шерстная грамота, возможно, была дана Менгли-Гирею еще в 1474 г., хотя нельзя исключать того, что перед нами только фиксация подготовительного процесса, а не сама процедура, включавшая помимо привешивания печатей шертование на Коране крымской стороной и крестоцелование русской. В сообщении об этом ничего не говорится о вислой печати, однако ее наличие можно предположить с высокой долей вероятности. В 1480 г. Менгли-Гирей и Иван III обменялись шерстной и крестоцеловальной грамотами. О золотых печатях источники не сообщают, но они, судя по всему, были. Дело в том, что в 1481 г. в Крым послали три опасные грамоты. К одной из них (адресованной к Девлетек-мирзе) привесили золотую печать. При обмене грамотами в 1508 г. золотая печать отмечена только на русском документе. Однако учитывая тот факт, что русская дипломатия при сношениях с иностранными державами очень быстро усвоила принцип взаимности, который в том числе распространялся и на оформление дипломов, золотая вислая печать на крымской грамоте также должна была присутствовать [12, с. 1–2]. В пользу этого говорит и текст крымской грамоты 1508 г.: «да на той бы тебе грамоте шерть дал; да пожаловал бы тебя, ту грамоту и к тебе прислал, да и свою еси грамоту прислал за золотую печатью» [25, с. 32]. В 1518 г. от крымского хана получили новую шерть. Саадет-Гирей I (1523–1532 гг.) приносил шерть дважды, в 1525 и 1530 гг. 1548/49 г. – золотая печать была привешена к шерстной грамоте крымского

хана Сахиб-Гирея I (1532–1550 гг.)¹¹. В 1594 и 1602 гг. шертовал Казы-Гирей II (1588–1596, 1596–1608 гг.) [12, с. 36–40]. В 1614 г. золотая печать была привешена к шертной грамоте Джанибек-Гирея (1610–1623, 1628–1635 гг.). В 1624 г. к грамоте Мухаммед-Гирея III (1610, 1623–1628 гг.) привесили большую золотую печать [18, 80. л. 85 об.; 19, 507. л. 1120 об.]. В источниках также фиксируется значительное количество «золотых грамот». Их ни в коем случае нельзя смешивать с золотыми печатями. Ведь это указание на то, что часть текста документа была написана золотом. В 1628, 1630 и 1633 гг. получены вторая, третья и четвертая шертные грамоты Джанибек-Гирея [19, с. 507. л. 1121; 12, с. 53–55–58]. 1636/37-м г. датируется шертная грамота с золотой печатью хана Инает-Гирея (1635–1637 гг.). На следующий год она пришла от Багатыр-Гирея (1637–1641 гг.). Шертные грамоты с золотой печатью от этого хана также фиксируются в 1638/39 и 1639/40 гг. [19, с. 328–329. л. 684–686 об.]. Столь частое их получение от одного лица свидетельствует о явной девальвации или значительной трансформации прежнего значения подобных документов. Как одно из проявлений этого процесса стало появление таких документов, как разменных шертных грамот или записей, которые также скреплялись золотой печатью [12, с. 180]. Следует отметить, что данная тема до настоящего времени не подвергалась исследованию. Мухаммед-Гирей IV (1641–1644, 1654–1666 гг.) прислал шертную грамоту в 1642/43 и 1655/56 гг. Также известны грамоты Ислам-Гирея III (1644–1654 гг.) 1644/45, 1647 и 1648 гг., Адиль-Гирея (1666–1671 гг.) 1670/71 (1669/70) г, Селим-Гирея (1671–1678, 1684–1691, 1692–1699, 1702–1704 гг.) 1671/72 и 1684 гг., Мурад-Гирея (1678–1683 гг.) 1681 и 1682 гг. [19, с. 329–330. л. 687 об. – 688; 12]. Следует учитывать, что при дальнейших исследованиях истории принесения шерти крымскими ханами, датировки могут быть значительно скорректированы, а некоторые шерти объединены.

Кроме того по описям Посольского приказа известны казанские вислые печати. В 1614 г. о них сказано: «Да в том же ящике 11 печатей розных государств, серебряны» [17, с. 96. л. 184]. В 1626 г. указано: «9 печатей старых казанских и ливонских серебряных, литых» [18, с. 310. л. 536]. В 1673 г. отмечено: «В мешочке печати розных государств серебряные, 11 печатей да 3 конца» [19, с. 506. л. 1118 об.]. Более ранние описи позволяют уточнить список государств, к грамотам которых могли подвешиваться эти серебряные печати, а также что это были за документы. В описи царского архива 1570-х гг. указано, что в ящике № 11 хранились перемирные грамоты с Ливонским орденом. При этом подчеркнуто, что «те грамоты попорчены у дьяков в Новгороде». В ящиках № 12–15 находились казанские шертные грамоты. В ящике № 203 содержались шертные грамоты астраханского царя Дервиш-Али [17, с. 18–19. л. 229 об. – 232, 234]. В краткой описи, составленной в самом конце XVI в. (не ранее 1594 г.), дается несколько иная раскладка дел по ящикам: «С казанским и с астраханским и с свияжским, и с нижегородским с старым делом ящики 2, 7, 12, 16, 17, 18, 28, 31, 37, 46, 53, 57, 95, 129, 136, 148, 151» [32]. В описи 1614 г. еще отмечены астраханские и казанские книги. А вот шертных грамот уже нет [17, с. 106–107. л. 228–230]. Зато появляются казанские серебряные печати. Мы вправе предположить, что среди них вполне могли быть и астраханские печати. По-видимому, к этому времени все

¹¹ РГАДА. Ф. 166. Оп. 1. Д. 16. Л. 56.

шертные грамоты погибли и от них остались только печати. Произошло это не злонамеренно, просто данные дела потеряли свою прежнюю актуальность и за их сохранностью не особо следили. Сказалось и разорение Москвы в Смутное время. К тому же в начале XVII в. в Посольском приказе была обнаружена кража ряда печатей из благородных металлов (золотые и серебряные). По этому поводу составили «перепись грамотам, у которых обрезаывал печати воровством Посольского приказу подьячей Офона Огарков во 115-м году» [18, с. 320. л. 555 об.]. Отметим, что это не единственный пример воровства печатей во внешнеполитическом ведомстве, хотя всегда это было экстраординарным событием. 4 января 1707 г. подьячий приказа Петр Пасынков донес тайному секретарю Петру Павловичу Шафирову, что 3 января из сундука его повытья пропали «две печати золотые небольшие, на которых подписано было писмом татарским, да десять серебряных крушков гладких вызолоченных, на подобность тех печатей зделанных, которые бывають у шертных грамот ханов крымских. А те печати и грамоты вынул подьячей Михайло Ларионов с ним, Петром, в Нижней Кладовой полате в коробе умершаго подьячего Михаила Волкова ноября в 28 день прошлого 706-го году»¹². Украденное так и не было найдено. Десять серебряных вызолоченных кружков являются в настоящее время загадкой. Это либо заготовки для печатей к жалованным грамотам, столь активно раздаваемым Москвой в более ранний период, либо все те же казанские и ливонские печати. «Гладкими» они могли стать благодаря тому, что изображения на них были низкорельефными. Против данного утверждения есть серьезный аргумент. 24 августа 1635 г. по именному приказу царя Михаила Федоровича, думный дьяк Федор Лихачев и дьяк Максим Матюшкин, собрав ряд дел Посольского приказа, положили их в сундук и, запечатав печатью Федора Лихачева, отнесли его на хранение на Казенный двор в Большую палату. В 1673 г. печати с остальными документами еще хранились на Казенном дворе [19, с. 505–507. л. 1117–1121 об.]. Этот комплекс (два сундука и ящик) 16 февраля 1708 г. перенесли в государеву Мастерскую палату, где пересмотрев, отдали в Посольский приказ. Но никакие отдельно хранящиеся печати в тогда же составленной описи не фигурируют. Справедливости ради следует отметить, что документы на Казенном дворе не лежали без движения. Судя по описи, туда до последнего добавлялись дополнительные материалы. Часть документов и предметов также могли покидать сундуки [8]. В описи Московского архива Коллегии иностранных дел 1732 г., в которой описываются документы, хранившиеся ранее на Казенном дворе указаны «Свяска да ставик деревянной с некоторыми вещми за печатми» [29, с. 316]. В словаре русского языка слово «ставок» объясняется как небольшой сосуд с крышкой или же коробка, футляр [26, с. 188]. Возможно, печати хранились именно здесь.

Укажем еще один возможный вектор для дальнейших поисков казанских печатей. В описи казны Мастерской палаты 1720 г. читаем: «В вышеписанной же казенной палате... коробка свинцовая за печатью, а в ней деньги татарская...» [7, с. 230]. В настоящее время трудно однозначно судить, были ли это действительно монеты мусульманских стран, или же за таковые были приняты вислые печати с арабографичными надписями. Но данное свиде-

¹² РГАДА. Ф. 136. Оп. 1. Д. 26. Л. 1.

тельство дает дополнительный повод для надежды на то, что когда-либо в архиве или музейном собрании, обнаружится подлинная металлическая печать восточного происхождения. Помимо этого золотые печати Крымского ханства могли отложиться в петербургском архиве Коллегии иностранных дел (Министерстве), и уже оттуда попасть в современный архив МИДа.

В нашем распоряжении имеется несколько описаний крымских печатей, составленных в Посольском приказе. «А на золотой печати с одну сторону в кругу вырезано: “Аноэт-Гирей-царь Казы-Гиреев-царевъ сын”. А на другой стороне печати в одном кругу вырезано: “Хусам-Гирей-царевичъ Казы-Гиреев-царевъ сын”. А в другом кругу на той же стороне вырезано: “Саадет-Гирей-царевичъ Казы-Гиреев-царевъ сынъ”» (1636 г.) [12, с. 76]. «А на золотой печати вырезано: “Верую во единого Бога и в пророка Магметя”. А на другой стороне у тое печати вырезано: “Магмет-Гирей-царь Саламат-Гиреев-царевъ сынъ”» (1642 г.) [12, с. 102]. «А у подлинной грамоты на золотой печати на стороне написано: “Несть ина Бога, токмо Един Господь, Магаметь Пророк ево”; а на другой стороне написано: “Ислам-Гирей-царь Саламат-Гиреев-царевъ сынъ”» (1646 г.) [12, с. 110]. «И у той грамоты привешена золотая печать на серебряном снурке, в печати на одной стороне вырезано словами татарскими, а по переводу: “Нет Господа, токмо Бог, Магмет послан от Бога”. На другой стороне той же печати: “Адиль-Гиреево-царевое величество Девлет-Гиреев-царевичевъ сынъ”» (1669 г.) [12, с. 172–173]. «У той же грамоты привешена на снурку печать золота, а на ней вылита на одной стороне: “Бог един есть Бог, а Магомет посланной Божей”. На другой стороне вырезано: “Салтан салтанов сын, салтан храброй Мурат-Гирей-хан, Мубарек-Гирей-салтанов сын Мубарек-Гирей-салтан Селям-Гиреев-ханов сынъ”» (1681 г.) [12, с. 178]. В этом прочтении явно имеются ошибки, вызванные недостаточной квалификацией переводчика. «...на одной стороне: “Бог един, а иного Бога нет, Магмет же посланный от Бога”. На другой стороне: “Султан султанов сын султан храбрый Селим-Гирей-хан, Багадырь-Гиреев-ханов сынъ”» (1684 г.) [12, с. 201]. Имеется также описание крымской печати с шертной (присяжной) грамоты, отправленной в 1654 г. в Речь Посполитую, составленное во второй половине XX в.: «ar-rasul`llah: La ilaha illa`llah Muhammadun ar-rasul`llah»; с другой стороны: «‘ahdname-i Mehmed Gérey Han» («присяжная грамота Мехмеда-Гирея-хана»). Также удалось восстановить примерный размер этой печати – 48 мм [11]. Размер печатей, по-видимому, не был стандартизированным, в источниках приводятся их характеристики как «большая» [18, с. 80. л. 85 об.] и «неболшие»¹³. Как видим, устойчивое изображение на печатях отсутствовало. В зависимости от внутривосточной обстановки в Крымском ханстве богословие (шахада) могло заменяться именами калги и нурэдина. В отдельных случаях приводилось прямое указание на то, к какому документу привешивалась печать. На казанских и астраханских печатях, по-видимому, помещалось имя хана и богословие. К рубежу XV–XVI вв. исламская традиция, похоже, окончательно взяла верх, тексты, размещавшиеся на более ранних пайцзах («Силой вечного неба имя хана да будет свято; кто не поверит – должен быть убит») были забыты. А. Самойлович, сравнивая текст ранних ордынских квадратных печатей (тамга) с текстами на вислых печатях,

¹³ РГАДА. Ф. 136. Оп. 1. Д. 26. Л. 1.

пришел к выводу об их идентичности и делает предположение о том, что в Крыму под словом «пайцза» («байса») подразумевали не печать, а «формулу на государственной печати» [24, с. 1117].

Следует указать на еще один интересный факт. При подготовке вечного мира между Крымским ханством, Русским государством и Речью Посполитой послы крымского хана Адиль-Гирея 27 апреля 1670 г. в Москве дали письменные обещания. В описании документа приведена следующая информация: «печати послом (крымским – А.Б.) зделаны серебряные золочены» [12, с. 169]. По контексту этой записи можно предположить, что данные печати были изготовлены в Москве. Мы в настоящее время не готовы комментировать это сообщение, для этого требуются дополнительные исследования. Но сам по себе зафиксированный факт, является крайне любопытным в общем контексте бытования вислых печатей в постордынском мире.

Следует сказать о материале, из которого изготовлялись печати. Документы приводят три варианта: золотые, серебряные и серебряные вызолоченные. При этом возможно, серебряные и серебряные вызолоченные можно объединить. Дело в том, что в ранних описях часто определяли материал, из которого были сделаны печати, крайне приблизительно. Так, сохранившиеся до наших дней вызолоченные аргиовулы, в разных источниках могли называться золотыми, серебряными вызолоченными и железными вызолоченными. Возможно, казанские печати были серебряными вызолоченными. Со временем позолота частично или же полностью могла сойти и их стали воспринимать как серебряные. Если же они действительно были серебряными, то это выглядело как явное принижение статуса Казанского ханства по отношению к Москве, где печати делали серебряными вызолоченными и золотыми, и Крыму, где известны только золотые печати. Печати, по-видимому, изготовлялись для каждого конкретного случая путем отливки.

Таким образом, мы показали, что как минимум с начала XVI в. в целом ряде постордынских государств существовала устойчивая практика бытования вислых золотых и серебряных печатей. Они привешивались к двум типам документов – жалованным и шертным грамотам. Однако корни этого явления необходимо искать в более раннем периоде. Истоки жалованных грамот, скрепляемых золотой печатью, следует видеть в ордынской традиции. Наместник той или иной территории получал в подтверждение своих прав ханский ярлык и пайцзу [1, с. 69, 63–64]. Остается выяснить, когда эти два символа власти объединились воедино. Пайцза более чем отдаленно напоминает вислую печать. Хотя в русской традиции их называли печатями. Именно золотую печать по преданию приложил «хан Батый» к иконе Иоанна Богослова в Пощуповском Иоанно-Богословском монастыре (ныне Рязанская область), где она и сохранялась до середины XVII в. [16, с. 14–15]. Возможно, подобное объединение произошло довольно рано и, было связано с транспортировкой ярлыка и пайцзы, когда лицо, которому они предназначались, получал их не лично, а через ханского посланца. Тогда при перевозке их логично было бы объединить. Шертные грамоты также, похоже, являлись продуктом объединения ярлыка и пайцзы, но как работала мысль ханской канцелярии остается непонятно. Возможно, данный тип документов и правила его оформления появились в результате взаимных поисков русских и крымских делопроизводителей. В приблизительно тот период русская сторона активно обмени-

влась dokonчальными грамотами, скрепленными золотыми печатями с целым рядом европейских держав (Империя, Дания, Ливонский Орден, Венгрия, Литва). Крыму, по-видимому, предложили знакомый формат документов. В ханской канцелярии нашли подходящий ордынский аналог европейским золотым печатям – ордынскую алтынбайсу (золотую пайцзу). Отметим, что шертные грамоты в Золотой Орде небыли известны. Судя по всему, данное словосочетание было придумано либо в крымской, либо в московской канцелярии. Отметим, что в Москве слово шерть начинает активно использоваться именно в последнюю треть XV в.

Следует подчеркнуть, что в различных документах, создаваемых в московской великокняжеской и царской канцелярии, также прослеживаются явные влияния ордынской делопроизводственной практики [2; 4]. При этом русские дьяки, разрабатывавшие новые формуляры, возможно, даже не осознавали этого, настолько обороты ханских посланий твердо и органично вплелись в московскую приказную систему. Будем надеяться, что со временем нам удастся найти здесь новые параллели. Нельзя забывать и работы наших предшественников. В свое время М.П. Мелиоранский, разбирая одно место в Казанском летописце («Ахмат ... и посла х великому князю Ивану к Москве послы своя, по старому обычею отец своих, з басмою, просити дани и оброков за прошлая лета. Великий же князь ... прием басмулице его и плевав на ню, и излама ея, на землю поверже и потопта ногами своима...» [21, с. 199]), сделал предположение о том, что басма на самом деле является искаженной пайцзой и обозначала вислую золотую печать [14]. В таком случае выражение «басма лице его» следует читать как «басма от лица его» или же, как писали в XVII в. «мы наше величество Мухаммед-Гирей-хан, нам самим принадлежащую нашу золотую баисную печать приложили» [24, с. 1120]¹⁴. Тем самым истоки вислых печатей, похоже, действительно уходят корнями в канцелярию Золотой Орды. В таком случае их появление следует датировать временем близким к последней известной «правильной» ханской пайцзе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абзалов Л.Ф. Ханские писцы. Из истории становления и развития канцелярской службы ханов Золотой Орды. Казань: Издательство «ЯЗ», 2011. 253 с.
2. Беляков А.В. Где Иван IV выдавал грамоты за золотой печатью? // Диалог со временем. 2022. Вып. 80. С. 330–338.
3. Беляков А.В. Жалованные грамоты за золотой печатью: история бытования и ареал распространения (об ордынской преемственности в вопросе инвеституры) // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10, № 1. С. 184–211. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2022-10-1.184-211>
4. Беляков А.В. Источники жалованного слова народам Сибири // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2023. Т. 22. № 1. С. 33–43. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2023-22-1-33-43>
5. Беляков А.В. Симеон Бекбулатович: пример адаптации выходцев с Востока в России XVI в. СПб.: Нестор-История, 2022. 408 с.

¹⁴ В работах А.Н. Самойловича и М.П. Мелиоранского приводятся ссылки на историографию этого вопроса.

6. Богоявленский С. 1435 г. – Жалованная грамота в. к. Василия Васильевича Михаилу Яковлевичу на села в Переяславском уезде // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М.: Университетская типография, 1913. № 3. С. 47–48.

7. Викторов А. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов. 1584–1725 г. М.: Типо-литография С.П. Архипова и К^о, 1877. Вып. 1. 376 с.

8. Гальцов В.И. Опись посольских дел, переданных в 1708 г. из Казенного Приказа в Посольский // Археографический ежегодник за 1974 г. М.: Наука, 1975. С. 349–356.

9. Грязнов А.Л. Белозерские акты XIV–XVI вв.: исследование и перечень. Вологда: Древности Севера, 2019. 603 с.

10. Иванов П. Сборник снимков с древних печатей, приложенных к грамотам и другим юридическим актам, хранящимся в Московском Архиве Министерства юстиции. М.: Типография С. Селивановского, 1858. 43 с.

11. Колодзейчик Д. Попытка восстановления монгольской традиции в Крымском ханстве начала XVII в.: байса, тат ве тавчаг // Золотоордынское обозрение. 2015. № 3. С. 91–101.

12. Лашков Ф. Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI и XVII вв. хранящиеся в Московском Главном Архиве Министерства Иностранных Дел. Симферополь: Типография газеты «Крым», 1891. 224 с.

13. Мазуров А.Б. Утверждались ли духовные грамоты Ивана Калиты в Орде? // Вопросы истории. 1995. № 9. С. 143–154.

14. Мелиоранский М.П. Что такое басма золотоордынских послов хана Ахмата? // Записки Восточного Отделения Русского Археологического Общества. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1907. Т. XVII. С. 129–140.

15. Морозов Д.А. Уйгурские автографы московских дьяков (дополнение к древнерусской дипломатике) // Памяти Лукичева. М.: Древлехранилище, 2006. С. 173–199.

16. Описание Свято-Иоанно-Богословского монастыря, находящегося в Рязанской епархии. М.: Лето, 1998. 187 с.

17. Описи царского архива и архива Посольского приказа 1614 г. М.: Восточная литература, 1960. 195 с.

18. Опись архива Посольского приказа 1626 года. М., 1977. Ч. 1. 416 с.

19. Опись архива Посольского приказа 1673 г. М., 1990. Ч. 1. 526 с.

20. Орешников А.В. Материалы по русской сфрагистике // Труды Московского нумизматического общества. М.: Типография и словолитня О.С. Гербека, 1903. Т. III. Вып. 1. С. 108–150.

21. Полное собрание русских летописей. Т. XIX: История о Казанском царстве. М.: Языки русской культуры, 2000. 328 с.

22. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1661 гг. Казань: Татарское книжное издательство, 2006. 391 с.

23. Почекаев Р.Ю. Золотая Орда и русские земли: юридические аспекты отношений (очерки по истории и антропологии права). Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета, 2022. 288 с.

24. Самойлович А.Н. О «пайза» – «байса» в Джучиевом улусе (К вопросу о басме хана Ахмата) // Известия Академии Наук СССР. VI серия. 1926. Т. XX. Вып. 12. С. 1107–1120.

25. Сборник Русского исторического общества. СПб.: Типография О. Елеоновского и К^о, 1884. Т. 41. 638 с.

26. Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 2006. 275 с.

27. Собрание государственных грамот и договоров. М.: Типография Н.С. Всевожского, 1813. Ч. 1. 533 с.

28. Трепавлов В.В. Символы и ритуалы в этнической политике России XVI–XIX вв. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2018. 320 с.
29. Турилов С.Л. Описание документов Московского архива Коллегии иностранных дел 1732 г. // Археографический ежегодник за 1983 г. М.: Наука, 1985. С. 307–320.
30. Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева улуса XIV–XVI вв. Казань: Издательство Казанского университета, 1979. 318 с.
31. Черепнин Л.В. Русский феодальный архив XIV–XV веков. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1948. 472 с.
32. Шмидт С.О. Балакаева И.А. Описание государственного архива конца XVI в. // Археографический ежегодник за 1974 г. М.: Наука, 1975. С. 346–348.

REFERENCES

1. Abzalov L.F. Khan's scribes. From the history of the formation and development of the clerical service of the khans of the Golden Horde. Kazan: YAZ Publ., 2011. 253 p. (In Russian)
2. Belyakov A.V. Where did Ivan IV issue grants with a golden seal? *Dialogue with time*. 2022, vol. 80, pp. 330–338. (In Russian)
3. Belyakov A.V. Grant letters with a golden seal: the history of existence and distribution area (on the Horde succession in the issue of investiture). *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2022, vol. 10, no. 1, pp. 184–211. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2022-10-1.184-211> (In Russian)
4. Belyakov A.V. Sources of the Granted Word to the Peoples of Siberia. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya=Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: History, Philology*. 2023, vol. 22, no. 1, pp. 33–43. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2023-22-1-33-43> (In Russian)
5. Belyakov A.V. Simeon Bekbulatovich: an example of the adaptation of immigrants from the East in Russia in the 16th century. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2022. 408 p. (In Russian)
6. Bogoyavlenskiy S. 1435 – Grant Letter of grand prince Vasily Vasilyevich to Mikhail Yakovlevich for villages in Pereyaslavsky district. *Chteniya v Obshchestve istorii i drevnostey rossiyskikh pri Moskovskom universitete = Readings at the Society of Russian History and Antiquities at Moscow University*. Moscow: Universitetskaya tipografiya, 1913, no. 3, pp. 47–48. (In Russian)
7. Viktorov A. Description of notebooks and papers of ancient palace orders. 1584–1725. Moscow: Tipo-litografiya S.P. Arkhipova i Ko, 1877. Vol. 1. 376 p. (In Russian)
8. Galtsov V.I. Inventory of embassy affairs transferred in 1708 from the Treasury Prikaz to the Posolsky. *Archaeographic Yearbook for 1974*. Moscow: Nauka, 1975, pp. 349–356. (In Russian)
9. Gryaznov A.L. Belozersky acts of the 15th–16th centuries: research and list. Vologda: Drevnosti Severa, 2019. 603 p. (In Russian)
10. Ivanov P. Collection of photographs from ancient seals attached to charters and other legal acts stored in the Moscow Archive of the Ministry of Justice. Moscow: Tipografiya S. Selivanovskogo, 1858. 43 p. (In Russian)
11. Kolodzeychik D. An attempt to restore the Mongolian tradition in the Crimean Khanate at the beginning of the 17th century: baisa, tat ve tavchag. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2015, no. 3, pp. 91–101. (In Russian)
12. Lashkov F. Monuments of diplomatic relations of the Crimean Khanate with the Muscovite state in the 16th and 17th centuries. stored in the Moscow Main Archive of the Ministry of Foreign Affairs. Simferopol: Tipografiya gazety «Krym», 1891. 224 p. (In Russian)

13. Mazurov A.B. Were the spiritual letters of Ivan Kalita approved in the Horde? *Voprosy istorii = Questions of history*. 1995, no. 9, pp. 143–154. (In Russian)
14. Melioranskiy M.P. What is the Basma of the Golden Horde ambassadors of Khan Akhmat? *Notes of the Eastern Branch of the Russian Archaeological Society*. Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk, 1907. Vol. XVII, pp. 129–140. (In Russian)
15. Morozov D.A. Uighur autographs of Moscow clerks (addition to ancient Russian diplomacy). *In memory of Lukichev*. Moscow: Drevlekhranilishche, 2006, pp. 173–199. (In Russian)
16. Description of St. John the Theologian Monastery, located in the Ryazan diocese. Moscow: Leto, 1998. 187 p. (In Russian)
17. Inventory of the royal archive and the archive of the Ambassadorial order of 1614. Moscow: Vostochnaya literature Publ., 1960. 195 p. (In Russian)
18. Inventory of the archive of the Ambassadorial Order of 1626. Moscow, 1977. Vol. 1. 416 p. (In Russian)
19. Inventory of the archive of the Ambassadorial Order of 1673. Moscow, 1990. Vol. 1. 526 p. (In Russian)
20. Oreshnikov A.V. Materials on Russian sphragistics. *Trudy Moskovskogo numizmaticheskogo obshchestva = Proceedings of the Moscow Numismatic Society*. Moscow: Tipografiya i slovolitnyya O.S. Gerbeka, 1903. Vol. III, no. 1, pp. 108–150. (In Russian)
21. Complete collection of Russian chronicles. Vol. XIX: The history of the Kazan kingdom. Moscow: Yazyki russkoy kultury, 2000. 328 p. (In Russian)
22. Ambassadorial books on Russia's relations with the Nogai Horde. 1551–1661. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatelstvo, 2006. 391 p. (In Russian)
23. Pochekaev R.Yu. Golden Horde and Russian lands: legal aspects of relations (essays on the history and anthropology of law). Barnaul: Izdatelstvo Altayskogo gosudarstvennogo universiteta, 2022. 288 p. (In Russian)
24. Samojlovich A.N. O "paiza" – "baisa" in the Dzhuchiev ulus (On the question of the basma of Khan Akhmat). *Izvestiya Akademii Nauk SSSR. VI seriya = News of the USSR Academy of Sciences. VI series*. 1926. Vol. XX, no. 12, pp. 1107–1120. (In Russian)
25. Collection of the Russian Historical Society. Saint Petersburg: Tipografiya O. Eleonovskogo i Ko, 1884. Vol. 41. 638 p. (In Russian)
26. Dictionary of the Russian language of the 11th–17th centuries. Moscow: Nauka, 2006. 275 p. (In Russian)
27. Collection of State Letters and Treaties. Moscow: Tipografiya N.S. Vsevolzhskogo, 1813. Vol. 1. 533 p. (In Russian)
28. Trepavlov V.V. Symbols and rituals in the ethnic policy of Russia in the 16th – 19th centuries. St. Petersburg: Olega Abyshko Publ., 2018. 320 p. (In Russian)
29. Turilov S.L. Inventory of documents of the Moscow archive of the Collegium of Foreign Affairs, 1732. *Archaeographic Yearbook for 1983*. Moscow: Nauka, 1985, pp. 307–320. (In Russian)
30. Usmanov M.A. Complained acts of the Dzhuchiev ulus of the 14th–16th centuries. Kazan: Izdatelstvo Kazanskogo universiteta, 1979. 318 p. (In Russian)
31. Cherepnin L.V. Russian feudal archive of the 14th–15th centuries. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1948. 472 p. (In Russian)
32. Schmidt S.O., Balakaeva I.A. Inventory of the state archive of the end of the 16th century. *Archaeographic Yearbook for 1974*. Moscow: Nauka, 1975, pp. 346–348. (In Russian)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Андрей Васильевич Беляков – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт российской истории Российской академии наук (117292, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, Российская Федерация); ORCID: 0000-0001-8588-9192. E-mail: belafeb@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrey V. Belyakov – Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (19, Dm. Ulyanov Str., Moscow 117292, Russian Federation); ORCID: 0000-0001-8588-9192. E-mail: belafeb@yandex.ru

Поступила в редакцию / Received 01.11.2023
Поступила после рецензирования / Revised 28.02.2024
Принята к публикации / Accepted 04.03.2024